

Сикейрос в Чильяне. Чилийское послесловие к операции НКВД в Мексике.

Нил Никандров

Статья опубликована в журнале "Латинская Америка" № 7 и 8 за 1998 год и на www.tiwy.com. При использовании ссылка на источник обязательна.

Во время одной из поездок на юг Чили я остановился на день в Чильяне. Вместе с ключом от гостиничного номера мне вручили туристический буклет, в котором давались рекомендации по "предпочтительным городским и загородным маршрутам". Предложения были на все вкусы и пристрастия - от знаменитого сувенирного рынка, "равного которому нет и в Сантьяго", до курорта с целебными минеральными водами в часе езды от города. О знаменитой мурале Давида Альфаро Сикейроса "Смерть захватчику" в школе им. Мексики упоминалось, как бы между прочим, без пышной рекламной лексики.

"Откровенно неолиберальный подход, - подумал я тогда, - на рынке и курорте гостю придется раскошелиться, крепить местные финансы, а к росписи доступ бесплатный - стоит ли надрываться, зазывать, расхваливать?" Позже я перепроверил это мое впечатление, "ревизуя" чильянские страницы Интернета и убедился в том, что о знаменитой мурале Сикейроса если и сказано что-то, то скороговоркой, как о чем-то второстепенном в "широком спектре туристических возможностей". Но и без всемогущей рекламы народная и туристическая тропа к росписям в школе им. Мексики не зарастает. Смотритель муралы (официально должность называется - "guia pictorico") Рикардо Андрес Пеньяранда показал мне "Книгу посетителей", в которой оставили восторженные записи тысячи гостей со всего света, и посетовал, что не может прочесть и половины из них - иероглифы, арабская вязь, кириллица...

Город Чильян уютен, тенист и доброжелателен. Но в невысоких его домах, в их нынешней усадистой прочности таятся отзвуки пережитой катастрофы. Землетрясение, разразившееся 24 января 1939 года, разрушило большую часть городских строений, погребя под развалинами около 30 тысяч обитателей. Известие об этой страшной трагедии потрясло мир, и солидарность государств, правительств и людей не заставила себя ждать. В Чильяне закипела стройка. Чилийцы хотели поскорее забыть о пережитом страхе, об улицах-руинах, о братских могилах на кладбище за железнодорожной линией. В числе первых на призыв о помощи откликнулась Мексика, хорошо знакомая с нечеловеческим ужасом тектонических катаклизмов. Мексиканское правительство приняло решение о строительстве в Чильяне образцовой школы, снабженной всем необходимым для занятий и отдыха учащихся: библиотекой, лабораториями, спортивным залом и невиданной для чилийской провинции роскошью - плавательным бассейном.

И, надо сказать, мексиканцы построили все, что обещали. Из публикаций газеты "Дискуссион", чильянской "районке" того времени, видно, что ацтекские дипломаты не оставили дело солидарности на самотек: часто бывали на стройке, выявляя недоделки, добиваясь необходимого качества работ. Через Корпорацию реконструкции и помощи Чильяну мексиканцы организовали бесперебойную поставку необходимых материалов - от цемента до водопроводных труб. Посол Октавио Рейес Эспиндола контролировал финансовые средства, выделенные на строительство, и не было случая, чтобы деньги на приобретение стройматериалов или оплату рабочих поступили с опозданием.

Первоначально никаких художественных "излишеств" проектом строительства не предполагалось: два парадных президентских портрета в библиотеке - чилийца Педро Агирре Серда и мексиканца Ласаро Карденаса - и национальные гербы над парадным входом в школу...

Однако, судьба распорядилась иначе, подарив Чильяну один из бессмертных шедевров Давида Сикейроса.

Так получилось, что две катастрофы - природная (землетрясение в Чильяне) и человеческая (гибель Льва Троцкого) забросили в эти края прославленного уже в те времена художника. "Чильян был для меня своего рода тюрьмой", - написал он в своих мемуарах¹. Исследователи его творчества также нередко называют этот мирный городок "местом ссылки" муралиста. В этой "тюрьме" с правом на свободу передвижения и творчества Сикейрос оказался после настоящей - федеральной тюрьмы Лекумберри в Мехико, куда попал после покушения на Льва Троцкого.

Сегодня имена участников мексиканской операции по ликвидации Троцкого известны всем, кто более или менее внимательно знакомился с текущими публикациями на эту тему. Непосредственным куратором операции в Москве был П. Судоплатов, ответственным за ее проведение "на месте" - Н.Эйтингон (он же Наумов, Котов), в Париже - Л. Василевский, в числе основных исполнителей - испанские коммунисты, сын и мать - Рамон и Каридад Меркадер, Давид Альфаро Сикейрос, Луис и Леопольдо Ареналь и еще не менее двух-трех десятков других помощников - кадровых чекистов, боевиков, связников, девушек, "работавших" с охранниками и осуществлявшими наблюдение за домом Троцкого в Койоакане и другими троцкистскими "объектами" в Мексике.

Среди ключевых фигур операции был Иосиф Григулевич. Он подобрал в "команду" некоторых участников, являлся связником между Эйтингоном и различными группами исполнителей, а в соответствии с имеющимися свидетельствами, обеспечил проникновение боевиков в "крепость" Троцкого во время первой неудавшейся попытки. Судя по всему, Григулевич, выполняя задание Эйтингона, познакомился в Нью-Йорке с американцем Шелдоном и внедрил его в охрану Троцкого.

В подробной хронологии жизни Сикейроса, составленной Анхеликой Ареналь, женой художника, и названной "Человеческая и профессиональная биография" (1947 г.), наиболее лаконично освещен 1940-ой год: "Художник принимает участие в политической борьбе против Троцкого. Его преследуют, арестовывают и заключают в тюрьму Федерального округа. Оправданный в законном порядке и уже будучи на свободе, вынужден выехать за границу". В этих четких и, можно сказать, безапелляционных фразах чувствуется правка Сикейроса, его твердая рука, раз и навсегда определенная интерпретация тех событий. Подготовка и проведение покушения на жизнь основателя Четвертого интернационала подается художником как "участие в политической борьбе". Потом, много лет спустя, работая над своими воспоминаниями, прославленный муралист ни на йоту не отступит от этой формулировки.

Сикейрос возглавил первую, "автоматную", операцию по ликвидации "Старика" (так обозначался Троцкий в секретной переписке НКВД); в боевой отряд вошли бывшие интербригадовцы, друзья-художники, а также братья Анхелики - Луис и Леопольдо. Всех их объединяла принадлежность к компартии и ненависть к Троцкому, которого по потенциальной опасности для Советской России боевики приравнивали к Франко и Гитлеру. Троцкизм воспринимался ими как предательство жизненных интересов пролетариата. Ни один из них не сомневался в том, что Троцкий и его последователи

тесно сотрудничали с гитлеровскими спецслужбами, создавая "пятую колонну" на территории Советского Союза.

Облачившись в форму полицейских и вооружившись автоматами, доставленными из США тайными тропами, 24 мая 1940 года мексиканцы атаковали "крепость Троцкого". Только на стенах и потолке спальни следователи насчитали не менее двухсот пулевых отметин. "Свой" охранник Шелдон Харте распахнул металлическую дверь "крепости" перед боевиками, что облегчило операцию. Молниеносная атака парализовала других стражников, состоявших в основном из американских троцкистов, добровольно приехавших в Койоакан. Их растерянные лица маячили в оконных проемах, раскаленные свинцовые потоки крошили штукатурку, и кто-то из боевиков (по данным следователей - Леопольдо Ареналь) кричал иступленно-угрожающе: "Не двигаться, если хотите остаться в живых". Охранники умирать не хотели.

Расстреляв обоймы, нападавшие исчезли, растворились бесплотными призраками на пустынных дорогах и среди холмов. Вместе с ними ушел и Шелдон Харте.

Троцкому в тот раз повезло, он остался в живых, а мексиканская полиция "бросилась в погоню" за нападавшими. Для нее, в принципе, с самого начала не было сомнений в том, что покушение организовали агенты НКВД, несмотря на все опровержения, сделанные Сикейросом, который был арестован и подвергнут изматывающим допросам. Художник четко выдерживал линию поведения: эта операция была запланирована как акция устрашения и не ставила своей целью убийство Троцкого. Побудить правительство Мексики выслать Троцкого из страны - вот чего добивались нападавшие. По словам Сикейроса, он пытался захватить также "бесценные политические документы, которыми можно было бы доказать правительству и мексиканскому народу подоплеку деятельности Троцкого в нашей стране, раскрыть существующий сговор между ним и главарями международной реакции".

Все началось в республиканской Испании, куда Сикейрос прибыл в 1937 году, чтобы принять участие в боевых действиях против мятежников. Свой чин подполковника он заслужил на передовой, командуя последовательно 46-ой, 52-ой, 82-ой, 88-ой бригадами, а затем и 29-ой дивизией. Он отличался в боях не только личной храбростью, но и задатками стратега. Аргентинский писатель Кордоба Итурбуру написал в своей книге "Испания под командованием народа": "Подполковник Давид Альфаро Сикейрос, художник-военный, вышагивая по дорогам в окрестностях Теруэля, любил повторять мне:

"Каждое сражение - это проблема равновесия. Надо компоновать его так, как компоуется картина" ...

Совершенно неожиданно для Сикейроса его отозвали с фронта и направили в распоряжение республиканской военной разведки, которая работала в тесном контакте с представителями советских спецслужб. Возможно, именно в этот период Сикейрос познакомился с некоторыми из них. Главным советником по безопасности у республиканцев был Александр Орлов, он же - резидент НКВД в Испании и руководитель операций по ликвидации лидеров испанских троцкистов. Рядом с ним работал Наум Эйтингон, известный тогда под именем Леонида Александровича Котова. Ему также не была чужда "антитроцкистская проблематика". Именно в те времена он установил связь с семьей Меркадеров. Рамон Меркадер, как известно, и стал исполнителем верховной воли Сталина в отношении Троцкого.

Прямое указание на разведывательную работу Сикейроса в период испанской эпопеи есть

в упомянутой биографической хронике. В ней говорится, что после участия в боевых действиях Сикейрос был переведен в декабре 1938 года "в обычном порядке" в военную разведку республиканцев СИМ (Servicio de Informacion Militar). Первое задание, полученное им, было крайне опасным. Речь шла о поездке по фашистской Италии и "сборе ответов на конкретные вопросы". "Сикейрос с риском для жизни совершил эту поездку и должным образом выполнил поставленную задачу, - отметила в хронике Анхелика Ареналь. - Другие поручения, меньшей значимости, он также осуществил удовлетворительно".

В 1938 году художник по приглашению писателя Луи Арагона поехал в Париж, где прочел цикл лекций в Галерее Д'Анжу под эгидой Парижского дома культуры и Лиги революционных художников и писателей (LEAR). Французская резидентура НКВД, в которой работал известный чекист Л.Василевский, в том же 1938 году приступила к подготовке очередной многоходовой операции по Троцкому. Можно предположить, что именно тогда начался "ввод" Сикейроса в операцию по "Старику". Мексиканский художник был яростным антитроцкистом, не скрывал этого и характеризовался источниками, знавшими его по Испании, как человек действия, решительный, бесстрашный, безжалостный к врагам. Удлиненное лицо, беспорядочная копна волос, горящий взгляд гения и политического фанатика, нервные ноздри своеобразной лепки, словно у арабского скакуна. "Caballo" - Конь - называли его друзья, и в этой кличке скрывалось восхищение человеком, живущим по своим собственным законам и умеющим совершать поступки.

В статье "Я обвиняю", опубликованной посмертно в газете "Ла Пренса" в октябре 1940 года, Троцкий всесторонне проанализировал обстоятельства первого мексиканского покушения на его жизнь. Для лидера Четвертого интернационала не было никаких сомнений в том, что организаторами атаки на его дом в Койоакане были кадровые сотрудники НКВД, а исполнителями - мексиканские боевики с опытом участия в гражданской войне в Испании. По мнению Троцкого, в пропагандистском обеспечении операции была задействована "верная Москве" коммунистическая печать, а когда полицейским агентам удалось арестовать некоторых участников нападения, компартия Мексики после согласования с Кремлем решила "пожертвовать" Сикейросом. Как полагал Троцкий, эта стратегия выхода из компрометирующей ситуации была предложена Давидом Серрано, членом политбюро КПМ, поскольку "Salus GPU Suprema Lex" - таков девиз сталинистов: "Благополучие ГПУ - высший закон". По словам Троцкого, отторжение Сикейроса, попытки представить его "бесконтрольным элементом и полубезумцем", имели целью не только обелить в глазах мирового общественного мнения "хозяина Кремля и его опричников из ГПУ", но и отвести угрозу расследования от КПМ и ее руководителей.

Поэтому, когда 23 июня 1940 года общий замысел нападения и имена его участников были преданы гласности, газеты "сталинской ориентации" тут же опубликовали заявление компартии Мексики о том, что никто из нападавших не является ее членом. Эти "авторитетные" заявления повторялись на протяжении нескольких дней с небольшими вариациями. Сикейроса называли уже не только "сумасшедшим", но и "агентом-provокатором". Высказывания Давида Серрано о Сикейросе и Хосе Антонио Пухоле, еще одном участнике операции, словно подали сигнал другим деятелям компартии для потока аналогичных обвинений, в которых непременно подчеркивалось, что Сикейрос несет личную ответственность за организацию этого громкого террористического акта. В тех же "сталинских газетах" 2 августа было помещено заявление Серрано о том, что деньги на операцию художник получил от самого Троцкого! "Суть этой новой нелепицы, очевидна: Сикейроса стали постепенно превращать... в троцкиста: чем наглее ложь, тем быстрее в

нее поверят", - так прокомментировал Троцкий этот неожиданный "ход" КПП.

Сикейрос воспринял такой поворот событий стойко, ничем не проявляя внутреннего беспокойства. Партия отреклась от него, но таковы правила игры: партия отрицает терроризм как метод политической борьбы.

Лев Троцкий был убит 20 августа 1940 года "террористом-одиночкой" Джексоном Морнардом (он же - Рамон Меркадер), но все "заинтересованные лица" помнили, что именно Сикейрос руководил первым покушением на Троцкого. В троцкистских кругах организацию второго покушения также приписывали художнику, хотя он категорически отрицал какую-либо причастность к этому убийству как во время допросов в полиции, так и в интервью журналистам, изредка допускавшим к нему. Отрицал он и какую-либо связь с органами НКВД. Возможно, он и сам в это верил, полагая, что выполнял сверхсекретное задание Коминтерна.

Сам "виновник" развернувшейся полемики в своих воспоминаниях приводит следующие слова тогдашнего президента Мексики М. Авилы Камачо, принявшего решение об освобождении художника: "...После выхода на свободу как можно скорее уезжайте из страны. По имеющимся у меня сведениям, ваши враги - троцкисты собираются убить вас. Я же этого отнюдь не хочу, особенно в период моего правления. Все уже улажено, лицензиат Алеман (министр внутренних дел в то время) обеспечит все необходимое. Завтра утром вы вместе с женой и дочерью вылетите самолетом на Кубу, а затем в Чили, где некоторое время сможете жить и работать".

Сохранилась фотография, на которой Сикейрос запечатлен в день выхода из тюрьмы Лекумберри - 28 марта 1941 года. Выглядит он не таким уверенным и напористым, как до роковых событий весны-лета 1940 года. Сикейроса окружает стена полицейских агентов, и на лице его легко прочитывается озабоченность: президент не шутил, когда сообщал о планах мести троцкистов.

Но не только они угрожали мексиканскому художнику. Американские власти вели расследование обстоятельств смерти охранника Троцкого Шелдона, который пропал после первого покушения. Его тело было позднее обнаружено в импровизированной могиле во дворе летнего домика в окрестностях Мехико. Фотографии мертвого Шелдона, покрытого слоем извести, опубликовали многие газеты Мексики. Сикейрос пишет в связи с этим: "Во время нашего путешествия я начал испытывать все возрастающую тревогу... Меня охватил настоящий страх: "Эти презренные гринго задержат меня в Панаме под предлогом расследования убийства Троцкого и отправят затем в Соединенные Штаты или вышлют в какую-нибудь небольшую центрально-американскую страну, например, Коста-Рику. Недаром министр внутренних дел несколько раз спрашивал меня, почему я предпочитаю лететь в Чили, а не в Коста-Рику"...

Может быть, впервые ему захотелось хотя бы на время раствориться в человеческой толпе, стать незаметным человеком без особых примет. Он был не из робкого десятка, но мысль о том, что кто-то готовит против него ответную акцию была для него невыносимой. Он бы предпочел схватку лицом к лицу.

Американцы действительно вынашивали какие-то планы в отношении Сикейроса. Так, по данным архива ФБР², 22 апреля 1941 года агент бюро из Мехико сообщил в Вашингтон (с большим опозданием, надо сказать, но с пометкой "срочно") об освобождении "коммунистического художника" под залог. Два последующих абзаца вымараны черной цензурской краской. Скорее всего, в них со ссылкой на конкретный источник в

правительственных кругах давалась информация о предполагаемом маршруте Сикейроса (Чили или Советская Россия).

В ответном меморандуме от 29 апреля, по которому тоже прошелся бдительный фломастер цензуры, сохранилась только одна фраза: "Сикейрос является весьма опасным радикалом и вскоре даст о себе знать, если ему позволят обосноваться в какой-либо стране. И маленькая приписка паркеровской ручкой: "Нашему человеку в Гаване это известно".

Судя по материалам ФБР, директор Эдгар Гувер испытывал большое желание "разобраться" с Сикейросом, выяснить подоплеку его работы на НКВД (переписка шла под рубрикой "шпионаж-Р(оссия)", определить роль мексиканца в исчезновении Шелдона. Впрочем, серьезных претензий к художнику у ФБР быть не могло. Из материалов, предоставленных США мексиканской полицией, было известно, что Шелдон был увезен Сикейросом после неудавшегося покушения и передан живым и здоровым братьям Ареналь. Они-то и подозревались в убийстве, их активный розыск шел по всей территории Мексики и Соединенных Штатов. По информации, поступившей от Санчеса Салазара, возглавлявшего расследование в Мексике, кто-то из братьев нажал на спусковой крючок револьвера, стреляя в безмятежно спящего Шелдона. Переполюх в ФБР вызвала информация о том, что Луиса и Леопольдо видели на выставке мексиканской живописи в Нью-Йоркском музее современного искусства (не замышляют ли они новых терактов уже на территории США?). По всем офисам ФБР разослали тревожную ориентировку, установили негласный контроль за квартирой, в которой жила американская жена Луиса Роза Бигель, а также активизировали агентуру, имевшуюся у бюро в лево-коммунистических кругах.

Так, источник X. (подлинное имя из архивного документа вычеркнуто) несколько раз опрашивался агентами ФБР в Нью-Йорке, которые пытались получить хоть какую-нибудь зацепку, благодаря которой можно было бы установить местонахождение Сикейроса и братьев Ареналь. В одном из отчетов о беседах с X. написано следующее:

"X. отметил, что накануне первого покушения Сикейрос обладал значительными суммами денег, которые довольно щедро тратил в клубах. X. предположил, что Сикейрос получил тогда плату за свои картины, которые выставлялись в Нью-Йорке. Месяца за три до покушения можно было догадаться по внешнему виду художника, что он весь в трудах - покрасневшие глаза, от рук пахло краской... По предположению X., деньги на убийство Троцкого поступили как из России, так и из Соединенных Штатов, но не от коммунистических организаций, а от ОГПУ... По мнению X., Сикейрос относится к такой породе индивидуумов, которые по собственной инициативе и без подстрекательства со стороны совершают поступки как раз такого характера, который был совершен им, сталинистом и авантюристом. Тем не менее, X. верит, что и первое покушение на Троцкого было инициировано ОГПУ. Далее X. рассказал, что с Сикейросом ему довелось общаться достаточно часто, один-два раза с Луисом Ареналем. Последний был отнесен X. к породе революционеров, способных во имя дела пойти на любое преступление... При этом X. добавил, что Луис добывал в Соединенных Штатах финансовые средства для издательской деятельности (КПМ) в Мехико и растратил эти деньги на собственные нужды (это сообщил источнику сам Луис³)".

Конечно, Сикейрос не мог знать подробностей организованной директором ФБР облавы, но интуиция его не подвела и он не зря опасался ловушек: американцы могли перехватить его в любом месте.

Мексиканский художник был совершенно прав, когда прислушался к "дружескому совету" президента Камачо и покинул пределы Мексики. По различным каналам - морским и сухопутным - бежали из страны все ключевые участники первого покушения: братья Ареналь, Хосе Антонио Пухоль, Хосе Арари и другие. Их фотографии имелись на всех пограничных постах, были развешаны на стенах полицейских участков. И хуже всего - некоторые фотографии были воспроизведены проправительственными газетами: "Подозреваются в террористической деятельности..."

Тем не менее, агентам в США и Мексике так и не удалось добраться до основных организаторов и участников операции. А ведь устранение "Старика" было, пожалуй, самой масштабной операцией НКВД за всю историю его существования: десятки людей работали над ее реализацией на "дальних подступах" - в Западной Европе (прежде всего во Франции), в Канаде - и на "ближних" - в Соединенных Штатах и в Мексике. Агентурой чекистов "освещались" практически все центры зарубежной деятельности Четвертого интернационала, контролировались все основные контакты Троцкого - и реальные, и предполагаемые. Даже за Фридой Кало велось наблюдение. Ее подозревали в том, что она является постоянной связницей "койоаканского изгнанника" с европейскими центрами троцкизма. Захваченные (или тайно перекопированные) в различных местах архивы троцкистов облегчали работу НКВД по планированию многоходовых операций по "Старику".

Как тут не посетовать, что монография Иосифа Григулевича о Сикейросе, опубликованная в 80-х годах, умалчивает о главном - об истории их личных отношений. То, что должно было стать "ударным сюжетом", вынесено за рамки повествования, вернее, подвергнуто добровольной самоцензуре. По теплой окрашенности портретной характеристики Сикейроса, некоторым сообщаемым подробностям его жизни, безусловному "принятию" его творческой и политической позиций можно сделать вывод, что автор добротной написанной биографии знает о своем герое куда больше, чем рассказывает о нем.

Внимательный читатель монографии обратит, однако, внимание на прямые подсказки, которые свидетельствуют об особых отношениях Григулевича с художником и его семьей: во-первых, автор книги (малозаметным петитом в примечаниях) выразил благодарность за помощь, оказанную при подготовке рукописи, Анхелике Ареналь, вдове художника, а во-вторых, поместил в качестве иллюстрации - фотокопию письма художника, из содержания которого со всей очевидностью следует, что Грига связывают с Сикейросом давние дружеские узы, позволяющие обращаться друг к другу на "ты" и с просьбами личного характера. Сейчас, после многочисленных газетно-журнальных публикаций и двухтомного исследования Д. Волкогонова о Троцком, все интересующиеся историческими событиями сталинской эпохи знают, что Григулевич оставил за пределами своей монографии историю знакомства и дружбы с Сикейросом по одной единственной причине - исходным моментом их отношений было совместное участие в мексиканской операции по "Старику"...

События в Мексике имели чилийское продолжение.

В июне 1941 года после напряженного, полного приключений путешествия Сикейрос, Анхелика и ее дочь Адриана от первого брака добрались, наконец, до Сантьяго. Школа им. Мексики еще достраивалась, и Сикейрос не торопился в Чильян, но, как выяснилось, напрасно. Как ни прятался он от журналистов, остаться незамеченным ему не удалось. Он снова оказался в центре внимания и полемики. Пребывание Сикейроса в Сантьяго

перестало быть тайной после того, как корреспондент "Юнайтед Пресс" в Чили направил в свое агентство сообщение, помеченное 21 июня, о том, что художник был задержан полицией при выходе из ресторана "Childs", где обедал вместе с женой и дочерью.

Сикейроса отвели в префектуру и потребовали документы, которые доказывали бы легальность его нахождения на территории страны. Предъявленного паспорта с визой, выданной консулом Чили в Мексике Пабло Нерудой, и подробных разъяснений для придирчивых полицейских служак оказалось недостаточно, и только после вмешательства посольства Мексики художника отпустили, хотя и дали понять, что его пребывание в чилийской столице нежелательно.

Затем последовали заявления, разъяснявшие ситуацию с неожиданным появлением Сикейроса в Чили. Первое сделал министр внутренних дел Артуро Олаваррия Браво, известный своей реакционностью и неприятием коммунистов.

По его словам, полиция "не знала" о том, что въезд Сикейроса в Чили был осуществлен на законных основаниях, т.е. после соответствующего запроса мексиканского правительства, которое поручило художнику расписать стены школы в Чильяне. С разъяснениями выступил и посол Мексики, который объяснил газетчикам, что Сикейрос "несколько задержался в Сантьяго из-за того, что штукатурка в школе просыхала слишком медленно, препятствуя быстрому началу работы над муралью". Эти же слова повторил журналистам и сам художник, не преминув отметить, что "прибыл в Чили легально, что по делу об убийстве Троцкого все благополучно разъяснилось и что к нему никаких претензий нет, поскольку его непричастность к этим событиям очевидна".

Но предупредительный сигнал, поступивший от чилийских властей, Сикейрос истолковал правильно, и вместе с семьей поспешил перебраться в Чильян.

Впереди - большая и интересная работа. Будни художника все больше заняты раздумьями над эскизами, ожиданием материалов из специализированных магазинов США и Мексики и внутренней подготовкой к встрече с ослепительно белыми стенами зала, в котором после завершения росписей на торцовых стенах и потолке, предполагалось разместить библиотеку.

Сюжет будущей муралы был одобрен чилийскими властями. Не последовало никаких возражений и со стороны мексиканского посольства. Правда, посол Октавио Рейес Эспиндола поинтересовался у Сикейроса, в какую сумму обошлась бы работа, если бы художник потребовал за нее гонорар?

- Около сорока тысяч долларов, не меньше, - сказал Сикейрос. - Но это для Чильяна. В Соединенных Штатах я запросил бы вдвое больше...

Потом посол неоднократно повторит в своих интервью эту цифру - сорок тысяч долларов, что было крупнейшей по тем временам суммой, давая понять, что Мексика готова пойти на любые расходы ради друзей:

- Библиотека будет самой настоящей жемчужиной искусства, незатухающим очагом знаний и, конечно, культурного воздействия, благодаря фрескам, которыми смогут любоваться все ценители прекрасного...

В Чильяне Сикейросу пришлось решать сотни бытовых проблем. Особенно трудно было с жильем, немногие уцелевшие гостиницы были переполнены, и приезжим нередко приходилось устраиваться на ночь на дефицитных скамейках площади Лас Армас. Художник несколько раз менял крышу над головой: сторожка при школе, классная комната, более чем скромная гостиничка "Эль Виаханте" на углу улицы Либертад и авениды О`Хиггинс.

Начали съезжаться помощники. О двух из них Сикейрос написал в своих мемуарах. Это были чилиец немецкого происхождения Эрвин Веннер и чилиец колумбийского происхождения Алипио Харамильо. Сикейрос сам встретил их на железнодорожной станции в обычный для этого небольшого города час пробуждения, то есть в четыре с половиной утра. Когда на конной коляске добрались до сторожки, выяснилось, "что Веннер не только художник, но и часовых дел мастер, и для того, чтобы приехать в Чильян, бросил свою работу, дававшую ему средства к существованию. Алипио считался правительственным стипендиатом, но стипендия была столь мизерной, что если бы бедняга вздумал жить только на нее, то давно бы умер с голоду". Сикейрос сразу понял, что оба художника, направляясь в Чильян, подчинились велению души и, будучи готовыми на все, приврали человеку, ответственному за подбор помощников о своем якобы блестящем материальном положении. Если до сих пор еду, приносимую в судке, приходилось делить на три части (Давиду Альфаро, Анхелике и Адриане), то теперь ее по-братски распределяли на пять ртов.

Как вспоминал Сикейрос, "Алипио Харамильо был, несомненно, очень талантливым художником. А Веннер - просто гений в математике, что очень мне помогало в решении всех неизбежных геометрических задач. Думаю, у меня еще хранятся некоторые его формулы, своего рода таблица "определения углов зрения с позиции перемещающегося зрителя". Я решал все эти проблемы, так сказать, на глазок, эмпирическим путем... Самое интересное - и мы проверяли это неоднократно, - что между моими определениями на глазок и математическими выкладками Веннера почти не было расхождений".

Постепенно в Чильян подтягивались - тоже по велению души и сердца - другие чилийские художники: Лауреано Гевара, Камило Мори, Грегорио де ла Фуэнте, Орландо Сильва, а также венесуэлец Габриэль Брачо и мексиканец Хавьер Герреро. Последнему в чилийской прессе уделялось не меньше внимания, чем Сикейросу, и это было понятно: кроме Сикейроса, только Герреро получил "собственное пространство" для большой авторской росписи в школе им. Мексики.

Пребывание в Чильяне "бригады" известных и талантливых художников оживило творческую жизнь, электризовало местных творцов и интеллектуалов, побудило их к организации своих собственных выставок, дискуссий о предназначении искусства, ну, и проведению череды чествований, сопровождавшихся щедрым угощением.

Организатором и вдохновителем подобных мероприятий чаще всего было Общество изобразительных искусств "Танагра", которым, как подозревал Сикейрос, тайно руководила местная масонская ложа. Но это его не слишком заботило: в Чили правил Народный фронт - коалиция радикальной, социалистической и коммунистической партий. Коммунисты успешно сотрудничали с радикалами, верхушка которых вся без исключения входила в масонские организации. На том историческом этапе чилийским коммунистам было "по пути" с масонами.

Председатель "Танагры" - Анхелино Гебауэр - понимал, что чильянкам повезло: один из

крупнейших классиков мексиканской муральной живописи творит у них на глазах, создает в творческих муках шедевр мирового масштаба. Поэтому политические пристрастия Сикейроса и его недавняя "атака" на дом Троцкого были оставлены как бы "за скобками".

Помимо торжественных обедов проводились нередко "вермуты" - небольшие приемы с рюмкой-другой алкоголя, на которых велись просветительские беседы на различные творческие темы и читались стихи, все - без каких-либо претензий на интеллектуальную глубину и масштабность. На июль-сентябрь 1941 г. пришелся пик этих чествований, затем в школе им. Мексики закипела работа, и сам Сикейрос почти перестал откликаться на приглашения. Он не принял участия и в выставке, развернутой в холле школы им. Испании, где его помощники Веннер, Харамильо и Сильва представили свои живописные работы и эскизы.

Перед Сикейросом стояла крайне сложная техническая задача, поскольку зал, предназначенный для росписи, имел весьма заурядную форму: чрезвычайно длинное и узкое помещение с довольно низким потолком. Как "раздвинуть" стены? Как "приподнять" потолок? Как создать иллюзию гармоничных пропорций зала? После многочисленных прикидок и споров выход из нелегкой ситуации был найден - использовать "своего рода изогнутые подрамники", чтобы "сгладить" углы между потолком и двумя торцовыми стенами.

В качестве сюжетов для муральной живописи "Смерть захватчика" были избраны те фрагменты истории Чили и Мексики, которые словно сконденсировали в себе историю всей Латинской Америки. Главным образным элементом "чилийской" стены стал вулкан, "мексиканской" стены - огонь, символ страны ацтеков. В центре "чилийской композиции" - индейский вождь Гальварино, с кровоточащими обрубками рук, кричащим ртом, призывающим к восстанию и борьбе против испанских колонизаторов. В центре "мексиканской росписи" - Каутемок, последний ацтекский вождь, защищавший родину от конкистадоров Кортеса. Он посылает стрелы в католический крест, олицетворяющий чужую жестокую религию, и тоже призывает к сопротивлению, защите привычных индейских богов, вековых традиций и очагов.

Сикейроса волнует социальная тематика континента: "Я не мог обойтись без раздела, связанного с историей чилийского рабочего движения. Честность и твердость политических позиций его основателей и руководителей могут служить примером для политических деятелей многих стран Латинской Америки. Я символически изобразил эту тему путем сочетания портретов Лаутаро и Рекабаррена. Первый - своего рода теоретик борьбы арауканского народа против испанских конкистадоров, второй - крупнейший теоретик чилийского рабочего и профсоюзного движения вообще... Нельзя было не вспомнить и о других, например о Кауполикане в Мексике. Он был гигантом, который сражался с испанцами методами самих же испанцев."

Конечно, было бы натяжкой считать, что Сикейрос сделал центральной тему сопротивления захватчикам в знак солидарности с Советской Россией, которая в то время мужественно сопротивлялась фашистской агрессии. Но без всякого сомнения, темы войны и мира, бескомпромиссной борьбы враждебных друг другу цивилизаций в те дни особенно волновали художника.

Где-то в конце июля - начале августа в Чильян без предупреждения наведился Леопольдо Ареньяль. Он сообщил брату, что прибыл в Чили с поручением "Антонио" (псевдоним Григулевича для чилийской резидентуры) о создании в стране нелегальной организации,

которая вела бы наблюдение за группировками местных нацистов и при всяком удобном случае наносила бы по ним "сокрушительные удары". "Наше бездействие завершилось, - сказал Леопольдо, - Троицкий - это перевернутая страница. Активная антифашистская борьба - такова установка Москвы."

Луис без колебаний поддержал брата и тут же получил первое задание - подобрать надежных людей. Времени на всестороннюю проверку не было, поэтому рекомендовалось при малейших сомнениях отказываться от кандидата.

Леопольдо повидался с Сикейросом, с сестрой, но с ними об антифашистской работе не говорил, памятуя о строжайшем запрете "Антонио": "Давид находится под неусыпным надзором, не вздумай привлекать его..."

Предупреждение было не лишним. На улице 10 Апреля, дом 12, находился всевидящий и всеслышающий отдел Криминальной полиции. Там не слишком озабочивались проблемами монументальной живописи. Главным для них было одно - вовремя среагировать на политически вредные деяния мексиканца и просигнализировать о них в столицу.

Луис ничего не таил от своих, и вскоре Сикейрос был в курсе причин, побудивших Леопольдо заглянуть в Чильян. Что ж, надежные люди в этом маленьком городке были, и все они без исключения входили в компартию Чили.

Адрес ул. Майпон 562 был хорошо знаком жителям Чильяна, там располагалась штаб-квартира регионального руководства партии, проводились собрания, политические мероприятия, акции по сбору денег на партийные нужды, выставки агитационно-пропагандистского характера. Железнодорожники, строители и розничные торговцы были опорой организации. Даже на городском рынке существовала парт-ячейка, в которую входили продавцы, рубщики мяса, сторожа и уборщики. Они регулярно встречались в своем комитете на ул. Кончаркас 968 и обсуждали такие серьезные дела, как коррупция в чильянской алькальдии, ход соревнования между ячейками по сбору миллиона песо на типографское оборудование, социальная политика правительства Народного фронта, факты несправедливого распределения участков загородной земли для горожан.

Наиболее заметной партийной фигурой в Чильяне был региональный секретарь КПЧ Энрике Кирберг-Балтянский, молодой, энергичный, обладавший задатками трибуна и организатора. Умение говорить конкретно, по делу и - главное - убедительно обеспечили ему быструю карьеру в партийных рядах, а внешняя представительность, высокий рост, харизма, обещали в перспективе достижение куда больших политических вершин. Именно Кирберг организовал в Чильяне массовые акты в поддержку Советского Союза 22 июня 1941 года. Вечером того же дня Кирберг собрал директорат Ассоциации друзей СССР, на котором было единодушно решено приступить к сбору средств на Красную армию, изготовить и приобрести в качестве подарка красным бойцам максимальное число шерстяных свитеров и комплектов теплого нижнего белья.

О задачах коммунистов по оказанию помощи Советскому Союзу говорил Кирберг и на внеочередной региональной конференции КПЧ, прошедшей 26 июня 1941 года. Тезисы его доклада были предельно четкими: Советский Союз стал жертвой агрессии нацистов; чилийцы должны проявить солидарность с Москвой, как это сделали все свободолюбивые народы мира; достижения социализма должны быть защищены любой ценой.

Недели через три в кинотеатре "О`Хиггинс" прошла конференция в поддержку СССР, на

которой основным докладчиком был известный журналист Танкредо Пиночет Ле Брун, прочитавший несколько глав из своей брошюры "Почему я стал другом Советского Союза". Коммунистом он не был, но достижения СССР в различных областях жизни поразили его воображение, а многолетний писательский навык помог изложить собранный по крупице материал столь увлекательно, что лучшего "главного оратора" для этого вечера было найти невозможно. Собрание вел сенатор от КПЧ Амадор Пайроа, бросивший в зал полемичные, но с одобрением воспринятые всеми присутствовавшими слова: "От победы или поражения СССР зависит будущее человечества, его дальнейший прогресс или же - погружение в обскурантизм нового средневековья со зловещим нацистским символом - свастикой-пауком".

Амадор Пайроа был популярен не только среди коммунистов. Все знали, что благодаря собственному труду и настойчивости он сумел сколотить немалое состояние, владел сетью кинотеатров в Сантьяго и провинции, контролировал прокат немецких (до войны) и советских кинолент в Буэнос-Айресе и некоторых других южноамериканских столицах. "Коммунист-миллионер" - иронизировали парламентарии от буржуазных партий, заведомо зная, что значительную часть своих доходов Пайроа передает в партийный бюджет. Но на этот раз сеанс был бесплатным. Участникам конференции показали фильм "Непобедимая Красная Армия", о которой в обязательной для тех времен программке было сказано: "Эта лента дает представление о вооружении, боевой готовности и ударной мощи советских вооруженных сил, которые сегодня ведут борьбу не на жизнь, а на смерть с гитлеровским агрессором".

Гости из Мексики были свидетелями этих чильянских событий, сопереживали им, но прямого участия в акциях солидарности не принимали. Сикейрос помнил о "предупредительном аресте" и строжайшим образом запретил своим спутникам принимать участие в политических баталиях между "нейтралистами" (считавшимися скрытыми пособниками нацизма) и сторонниками Советского Союза. Он разрешил своей "живописной команде" скромно присутствовать на подобных актах, но в задних рядах, ни под каким предлогом не раскрывая рта. Тайная полиция в Чильяне не дремала и глаз не спускала с "мексиканских террористов". Подтверждение о негласном надзоре полиции через надежного посредника передал Сикейросу Энрике Кирберг, для которого секретов в городе не существовало. За годы правления Народного фронта компартии удалось "продвинуть" своих людей в полицию и корпус карабинеров.

По инициативе компартии в Чильяне в начале октября 1941 г. был создан филиал общенационального Антинацифашистского союза Чили (UDACH), в директорат которого вошел вездесущий Кирберг-Балтянский. Союзом при содействии Провинциального комитета Народного фронта, Конфедерации трудящихся Чили и Ассоциации друзей СССР был проведен "Марш за демократию", в завершение которого - на массовом митинге - были зачитаны призывы-требования, составленные Кирбергом и одобренные на заседании регионального руководства КПЧ:

1. Обратиться к послам США, Франции, Германии, Испании, Бразилии и (чилийскому) правительству с требованием об освобождении выдающихся лидеров рабочего класса, находящихся в тюремном заключении за свою демократическую деятельность, в первую очередь Эрла Браудера, Луиса Карлоса Престеса, Эрнста Тельмана, Марселя Кашена.
2. Потребовать от правительств Виши, Франко и Германии прекращения репрессий и казней рабочих лидеров в оккупированных странах.
3. Разорвать дипломатические отношения с Третьим рейхом и прекратить направление

туда стратегических сырьевых материалов.

4. Установить дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом.

5. Призвать (чилийское) правительство с большей энергией бороться с проникновением и деятельностью нацифашистов, национализировать предприятия и собственность нацифашистских элементов в Чили.

На 2-ой региональной конференции КПЧ в ноябре 1941 г. прозвучали эти же требования, но в более жесткой форме. По заведенному порядку был избран почетный президиум в следующем составе: Сталин, Тельман, Марсель Кашен, Морис Торез, Пассионария, Эрл Браудер, Луис Карлос Престес, Элиас Лафферте, Карлос Контрерас Лабарка, Сальвадор Окампо. С докладом "О политической ситуации в Чили, мире и провинции Ньюбле" выступил Кирберг: "Надо всеми возможными средствами помогать борьбе демократий с фашизмом, пресекать нацистское проникновение в Чили, а прогрессивным силам объединяться для защиты суверенитета и национальной целостности страны". Для того, чтобы подчеркнуть патриотическую направленность решений конференции, ее участники в полном составе посетили в Старом Чильяне дом, в котором, по преданию, родился Либертадор Бернардо О`Хиггинс.

Можно представить, каких усилий стоило темпераментному Сикейросу воздерживаться от участия в актах солидарности с Советским Союзом. Он прочел книгу Танкредо Пиночета и согласился с каждым ее словом. В эти трудные для СССР времена он в числе первых вступил бы в Ассоциацию друзей Советского Союза, но теперь, под тяжестью обстоятельств, был вынужден со стороны наблюдать за ее деятельностью: сбор зимней одежды, средств на приобретение санитарных автомашин, продуктов питания. Сикейрос проходил мимо скромной вывески Ассоциации на улице Арауко 806, даже не делаю попыток заглянуть туда. Откровенной слежки за собой он не замечал, но была ли она нужна в столь небольшом городке, где все друг друга знали, как в одной большой семье. Эта внутренняя напряженность и опасения отзовутся через несколько лет такими словами художника: "Чильян был для меня городом добровольного тюремного заключения".

Психологически ситуация осложнялась еще и тем, что братья Анхелики находились в Чили по чужим паспортам. Их разоблачение грозило мировым скандалом, а управлять ими было трудно: Луис периодически впадал в глубокую депрессию (трудно отходил от майских событий 1940 года), а Леопольдо, судя по его прозрачным намекам, с головой погрузился в нелегальную антифашистскую работу, сосредоточившись на борьбе с "пятой колонной". Изредка заглядывая в Чильян, он довольно настойчиво просил Сикейроса найти предлог и "прокатиться" по южным провинциям страны, чтобы убедиться в достоверности распространявшейся британской и американской пропагандой информации о нацистском засилье в этом регионе, о реальности существовании "плацдарма" третьего рейха, с которого якобы планировался захват Патагонии. Леопольдо подробно расспрашивал Луиса про Амадора Пайроа и Кирберга, об искренности их политических взглядов, отношении к Советскому Союзу, возможных "тайных симпатиях" к покойному Троцкому. Слушая брата, он удовлетворенно покачивал головой, видимо, услышанное полностью совпадало с тем, что он уже знал.

Слухи о деятельности "пятой колонны" ползли по всей стране, и Чильян не остался в стороне. Шпиономания приобретала порой гипертрофированные формы, но это никого не удивляло. О вездесущих агентах Гитлера так много говорилось по радио и в газетах, что

они мерещились повсюду. Так, в Чильяне в начале августа 1941 года сотрудники Криминальной полиции следили за перемещениями подозрительных ящиков, которые прибыли в город железной дорогой. Под прикрытием темноты ящики вывезли на грузовиках с фальшивыми номерами в некую таинственную асьенду, которую, по данным полиции, довольно часто посещали люди, говорившие по-немецки. Тут же поползли слухи о том, что в Чильяне и его окрестностях действует глубоко законспирированная нацистская группа, готовящаяся к вооруженному выступлению, а в необычайно тяжелых ящиках находятся оружие, боеприпасы и взрывчатка.

Именно поэтому полиция поспешила провести обыски асьенды, административных и складских помещений Торгового дома "Империи". Оказалось, что владельцы груза, несмотря на полицейское наблюдение, ухитрились тайком перевезти ящики в Чильян (на этот раз на повозках, запряженных быками) и укрыть их на складах фирмы. Когда ящики вскрыли, то обнаружили внутри скобяные изделия, предназначенные для продажи на ярмарке. Конфуз вышел немалый, чильянце посмеивались над нерасторопностью полиции, и никто не потрудился задать вопрос - для чего потребовалось завозить "скобяные изделия" в асьенду, если ими собирались торговать в Чильяне.

В "команде" Сикейроса решили, что в ящиках действительно было оружие и что полицейские, сочувствовавшие нацистам, не только предупредили их об опасности, но и дали возможность агентам "пятой колонны" перепрятать опасный груз. Сам Давид Альфаро был убежден в наличии фашистской угрозы для стран Южной Америки и, чтобы лично убедиться в этом, предпринял "рекогносцировочную поездку" по чилийскому югу, правда, только после того, как была завершена работа над муралью "Смерть захватчику".

К югу от Чильяна простирались земли, густо заселенные немцами, которые до начала войны не скрывали своих тесных связей с Третьим рейхом и предпочитали нацистские флаги со свастикой чилийским с одинокой белой звездой на синем фоне.

"Немецкий вопрос" все с большим накалом обсуждался в Национальном конгрессе, и чилийцы с напряженным интересом следили за ожесточенными дебатами парламентариев, заканчивавшимися порой ожесточенной перепалкой "с переходом на личности". Наметилось противостояние проправительственных партий - радикалов, социалистов и коммунистов, и оппозиционных - консервативной ориентации, причем, первые придерживались четких антинацистских позиций, а вторые выступали за нейтралитет в мировой войне, за "равноудаленность" как от стран "оси", так и союзников. В центре парламентских дискуссий фактически находилась проблема внешнеполитической ориентации: с кем? Какой союзник соответствует больше стратегическим интересам Чили? Не придется ли таскать каштаны из огня для стороны, которая в конце концов потерпит поражение?

Даже в начале 1943 года было довольно-таки трудно назвать будущего победителя. Лозунг "нейтралитет любой ценой" явно преобладал в чилийских правительственных кругах. Президент Риос воздерживался от каких-либо обещаний западным демократиям по поводу вступления Чили в войну, хотя в этом направлении настойчиво работали дипломатические миссии и разведслужбы США и Англии. Особенно массивно союзники вели обработку общественного мнения в стране, не жалея для этого ни сил, ни средств. Все большее распространение приобретал тезис англо-американских пропагандистских служб о том, что немецкая и итальянская иммиграция в странах Южной Америки должна рассматриваться как потенциально "симпатизирующая" тоталитарным режимам в Европе, а потому и изолироваться путем применения превентивных финансово-экономических мер, а в случае необходимости - и карательных. Чилийские

власти, однако, идти на жесткие репрессии против выходцев из фашистских стран не спешили.

Некоторые немецкие общины пытались переломить все более неблагоприятный для них общественно-политический климат в стране. Такую попытку, например, предприняли городские власти "немецкого городка" Фрутильяр, которые направили письмо протеста против "клеветнических заявлений" одного из сенаторов о том, что собрания муниципалитета во Фрутильяре ведутся только на немецком языке. В ходе заседания парламента 19 августа 1941 года председательствующий сенатор Маса попытался занять умеренную позицию в отношении немецких обитателей юга Чили и с похвалой отозвался об их трудолюбии и вкладе в прогресс страны. Но его прервал сенатор-коммунист Амадор Пайроа:

"Но они же все нацисты!"

"Нацисты встречаются не только там, но и в других районах страны, - парировал своего коллегу Маса. - А потомки немецких колонистов честно работают во имя общества. И это заметно у нас в Сенате, где столь видное место в прошлом занимали сенаторы Шурман, Корнер и другие, а сейчас - сенатор Хавербек"...

"Он тоже нацист, - воскликнул Пайроа".

Газету с репортажем об этой полемике прочли все члены "команды Сикейроса". Несмотря на внешне объективный тон репортажа, можно было сделать вывод о том, что в Сенате пытались покрывать скрытых союзников Гитлера:

"Председательствующий потребовал от сенатора Пайроа не прерывать его, но тот вновь заявил, что сенатор Маса не желает признать присутствия нацистов в стране. Сенатор Маса ответил, что весьма трудно говорить взвешенно и спокойно, когда в зале Сената находится человек, который бьет в колокола, словно на тонущем судне, повторяя, как попугай, одну и ту же фразу... Конечно же, в указанном регионе есть люди, сочувствующие Германии и вполне естественно, - сказал сенатор, - что потомки немцев желают Германии победы в этой войне. Но было бы преувеличением считать, что по этой причине на юге страны действуют нацистские организации. Те, кто утверждает это, плохо информированы. Подобное подстрекательство со стороны граждан, считающих себя демократами и сторонниками республики, направлено на то, чтобы вызвать недовольство в тех слоях населения на юге, которые достойны уважения. Ведь это они сумели найти общий язык с коренными жителями страны и создали в районе города Вальдивия одну из наиболее процветающих зон в Чили, а в районе Осорно и Льянкиуэ - самые продуктивные аграрные хозяйства".

Но противники "нейтралов", судя по репортажу, сумели оставить за собой последнее слово в этой дискуссии. Сенатор Пайроа вновь заявил, пренебрегая парламентским этикетом и протестами Масы, что нацисты действуют по всей территории страны, и коммунисты разоблачают не немцев, а нацистов и фашистов из их среды, в том числе тех, которые проводят заседания муниципалитетов на немецком языке и не только во Фрутильяре, но и в других местах, например, в Пуэрто-Варас и Пуэрто-Монт".

Читая репортажи из парламента, Сикейрос все более утверждался в мысли, что после торжественного открытия школы им. Мексики он совершит поездку по немецким поселениям. Неужели на юге действительно зреет заговор, успех которого гарантирует Гитлеру плацдарм в Патагонии и контроль над Магеллановым проливом?

После нескольких переносов наконец-то была определена окончательная дата торжественного открытия школы имени Мексики - 25 марта 1942 года. Мураль была завершена несколькими неделями раньше, и посмотреть на нее "в неофициальном порядке" приходили чильянские друзья и знакомые. Багрово-золотистый колорит росписи окутывал библиотечный зал, создавал иллюзию погружения в историю, одушевления персонажей прошлого, которые нависали над зрителями и, казалось, вот-вот ступят вниз на паркет...

Сикейрос гордился достигнутыми в росписи "оптическими эффектами". Человеческие фигуры на ней словно жили своей жизнью: "Они сжимались и увеличивались, сходились или расходились в стороны... Все менялось и двигалось, когда мы направлялись к входной двери или шли в направлении окон, к противоположной стене... Мы просто развлекались, как дети, магией этих волшебных картин!.." - так написал Сикейрос в своих мемуарах.

По заказу мексиканского посольства молодой чилийский писатель и искусствовед Эрнесто Эслава подготовил к торжественному открытию школы имени Мексики брошюру с описанием мурала и сопутствующих ей живописных панно с портретами "либертадорес" и мыслителей Латинской Америки (исключение было сделано только для одного "не латиноамериканца" - Авраама Линкольна). Эслава и стал первым исследователем и интерпретатором мурала. Статьи и радиовыступления Эславы и его друзей создали вокруг предстоящей премьеры росписи настоящий бум. Выступая по радио "Американа" накануне открытия мурала, Эслава в самых восторженных словах охарактеризовал работу Сикейроса, назвав ее уникальным и грандиозным произведением изобразительного искусства в Южной Америке. С особым восхищением отзывался Эслава о передовых концептуальных подходах Сикейроса к монументальной живописи, ее социально-политическом заряде, образной и цветовой энергетике, сознательном использовании новейших материалов - от пироксилина и ярких анилиновых красок до "механических кистей".

По случаю открытия школы имени Мексики посол Эспиндола направил приглашения чилийским министрам, дипломатическим представителям, лидерам парламентских групп, представителям интеллектуальной и культурной жизни, журналистам. Трудно сказать сейчас, кто реально присутствовал на мероприятии. В списке приглашенных, опубликованном газетой "Дискуссион", названы посол США Клодт Боуэрс, бывший министр внутренних дел Артуро Олаваррия, тогдашний шеф криминальной полиции Освальдо Сагуэс, посол Кубы Писси де Поррас, генеральный консул Коста-Рики Алехандро Орреамуно Борбон, лидер Соцпартии сенатор Мармадуке Грове, публицист и политик из Перу Мануэль Сеоане, журналистка из "Меркурио" Роза Рабинович, фотограф Антонио Кинтана, художники Габриэль Брачо, Камило Мори, Грегорио де ла Фуэнте, Алипио Харамильо, Эрвин Веннер и многие другие.

Среди этих "других" значился сеньор "Луис Мария Карвахаль". Разве мог Леопольдо пропустить столь важное событие в жизни Давида, Луиса и Анхелики! Поэтому он и прибыл в числе первых к президентскому поезду, стоявшему под парами на Центральном вокзале в ожидании почетных пассажиров до Чильяна.

Трудно с полной уверенностью утверждать, что и давний друг художника Григулевич присутствовал на церемонии открытия. В списках приглашенных он, конечно, не значился. Тем не менее, именно на март 1942 года приходится одна из трех командировок Грига в Чили за весь период его руководства резидентурой в странах Южного конуса (1941 - 1945 г.г.).

Для Сикейроса присутствие официальных лиц на открытии мурала стало своего рода процедурой "снятия грехов и причащения к нормальной жизни". Он написал в своих мемуарах: "Мураль в школе имени Мексики была закончена, в связи с этим ослаб и полицейский надзор: мне разрешили в качестве "туриста" проехать к югу по стране, а через некоторое время поселиться в столице". Сикейрос с удовольствием отправился в эту поездку. Риск всегда привлекал его, это путешествие было в чем-то созвучно другому - в фашистскую Италию.

Художник был потрясен тем, что увидел на юге страны. В своих мемуарах он написал о "потомках непокорных немцев, которые маршировали по улицам, напялив на себя униформу фашистских молодчиков": "Под влиянием нацистской пропаганды они воспылали любовью к современной "родине-матери" - гитлеровской Германии, и эта любовь оказалась сильнее идей, унаследованных от своих прародителей"...

И все-таки, серьезных оснований для беспокойства и битья в тревожные колокола Сикейрос во время поездки по немецким городкам не обнаружил. Выходцы из Германии слишком ценили завоеванные потом и кровавыми мозолями уютные оазисы личного благополучия и, в лучшем случае, ограничивались эмоциональной поддержкой рейха, "сумевшего воспрянуть из праха и стальным кулаком восстановить справедливость". Других возможностей для проявления солидарности с Германией у чилийских немцев не было: союзнический надзор за немецкими колониями в Латинской Америке ужесточался с каждым днем.

Нужно отметить, что завершение работы над муралью в Чильяне не сняло с Сикейроса материальных забот. Денежный вопрос тяготил, вынуждал брать заказы на портреты или же отрабатывать кистью прежние долги. Чилийские заказчики щедростью не отличались. Впрочем, писательница Исидора Агирре вспоминала, что ее отец инженер Фернандо Агирре Эррасурис подарил Сикейросу значительную сумму, когда тот пожаловался, что истратил все свои сбережения и потому не может вернуться на родину. В благодарность художник написал портрет жены Фернандо - красавицы Марии Туппер.

Со второй половины 1942 года Сикейрос начал подумывать о возвращении на родину. Главный для него вопрос: сохраняет ли дело Троцкого-Шелдона актуальность для ФБР? Не арестуют ли его американцы, как только он покинет пределы Чили?

Через Леопольдо Сикейрос просит совета у "Антонио". Тот, следуя прежним инструкциям Эйтигона, рекомендует художнику не спешить. Но Сикейрос сам принимает решение.

В начале 1943 года он участвует в митинге в честь Мексики, организованном в кинотеатре "Бакедано" в Сантьяго, на котором оглашает свой антифашистский манифест "На войне - военное искусство", призывающий интеллектуалов, художников и писателей бороться за победу демократии, словом и делом оказывать помощь союзникам.

Вскоре Сикейрос навсегда покидает Чили и по маршруту Перу-Эквадор-Колумбия-Панама добирается до Кубы, откуда рукой было подать до родины.

Сотрудники американских посольств и ФБР (в тех странах, где они имелись) следили за передвижениями Сикейроса и старательно информировали о них Вашингтон, не предпринимая, впрочем, каких-либо враждебных действий. Во время поездки Сикейрос читал лекции о современной мексиканской живописи и способствовал созданию в названных выше странах "Групп боевого искусства". Григулевич в своей монографии о Сикейросе подробно описал эту поездку, не преминув отметить ее пропагандистский

успех среди творческой интеллигенции.

В планах у художника - поездка в США с такими же целями. Рисковать так рисковать! Перед своим турне он побывал в американском посольстве в Сантьяго и к собственному удивлению без каких-либо проволочек получил въездную визу в США. Сикейрос истолковал это как жест доброй воли со стороны янки. Компартия Чили в 1941-1942 г.г. оказала весьма существенную помощь "фэбээровцам", работавшим под крышей американского посольства в Сантьяго, в выявлении в Чили агентов третьего рейха.

Добравшись до Гаваны, Сикейрос узнал, что его виза в США без объяснения причин аннулирована Госдепартаментом (28 апреля 1943 года). Великодушному "фэбээровцу" из Сантьяго дали нагоняй "за потерю бдительности и чрезмерный либерализм".

Судя по рассекреченным страницам досье ФБР, Сикейрос еще долгие годы оставался под пристальным присмотром Гувера и Ко. Шла "холодная" война, и "красный" художник "воевал" в ней не на той стороне...

Я еще не раз бывал в Чильяне, разыскивая места, связанные с жизнью Сикейроса.

К большому моему сожалению, добротных фактологических материалов чилийских авторов на тему пребывания Сикейроса в Чильяне так и не нашлось ни в Национальной библиотеке, ни в научно-справочном отделе Музея изобразительных искусств, если не считать разрозненных газетных и журнальных статей, мимолетных упоминаний о мексиканском художнике в мемуарных книгах и очерках. Даже в самой школе имени Мексики информационный фонд о пребывании великого муралиста в Чильяне крайне скуден, хотя смотритель Рикардо Пеньяранда наделил меня ксерокопиями немногих имевшихся у него материалов. "Кажется, кто-то из наших краеведов готовит брошюру о Сикейросе", - сказали мне в редакции "Дискусъон", но уверенности в их голосах я не почувствовал. В запасниках самой газеты о художнике тоже ничего не обнаружилось, даже архивных фотографий.

С трудом, но удалось восстановить некоторые его маршруты, адреса, излюбленные "точки" отдыха. Нужно сказать, что от Чильяна времен Сикейроса мало что сохранилось. Практически полностью исчезла "инфраструктура" недвижимости коммунистических организаций в городе. Произошло это в 70-е годы, когда пиночетовскими властями была конфискована собственность левых партий. Не сохранилось здание РК КПЧ, была снесена гостиница "Эль Виаханте" (принадлежавшая компартии через подставное лицо), разрушены другие постройки, которые использовались для "орграбботы с массами". На месте торопливо снесенной былой "коммунистической собственности" функционируют сейчас автозаправочные станции - "Шелл", "ЭССО", "КОПЕК", словно символизируя победу агрессивно-долларового неолиберализма над романтиками коммунистических идей.

С туристической картой в руках я обошел места, которые так или иначе связаны с жизнью Сикейроса в городе: здесь находился "Ресторан Популар", где можно было "отдохнуть" от малосъедобного "питания" сеньоры Сааведры, прикрепленной к художникам в качестве повара; здесь - на некогда оживленном железнодорожном перроне встречали прибывших на "Южной стреле" друзей из Сантьяго и среди них - Леопольдо Ареналя, элегантного, интеллигентного, в столь идущих ему очках в тонкой оправе; а вот здесь - в школе имени Испании и Чилийско-испанском центре - устраивали выставки своих картин друзья Сикейроса; не пропускали Давид Альфаро и Анхелика премьер в кинотеатре "О`Хиггинс"

(благо - расположен по соседству со школой имени Мексики), в котором иногда показывали мексиканские ленты, от них теплело на душе. Впрочем, не меньший интерес вызывали у них и документальные фильмы о сражениях на фронтах Второй мировой войны. Темно-зеленая туша этого кинотеатра до сих пор высится над улицей Либертад, но теперь в программе нет ничего на политическую "злобу дня", равнодушно-вялую разрозненную публику пичкают порнолентами и кинострашилками. Напротив кинотеатра располагалась кафе-кондитерская "Реаль", где женская половина семьи Сикейросов могла подсластить тяготы "чильянского изгнания", но сейчас здесь сияет неоновая вывеска.

Пройтись по маршрутам Сикейроса, по тихим чильянским улочкам - словно воскресить прошлое, подробности известных и малоизвестных событий, отдельные эпизоды жизни отвоевавших свои "личные войны" людей, героические, трагические, печальные и поучительные эпизоды их неповторимых судеб. А вечное, вечное и гениальное, обрушивается на тебя, как только ты - в который раз! - поднимаешься по ступеням школы имени Мексики, войдешь в золотисто-багровую дымку гулко-го зала и попадешь в перекрестье силовых полей росписи "Смерть захватчику"...

¹ При написании статьи использованы материалы из книги : Сикейрос Д. Меня называли Лихим Полковником. Воспоминания. Перевод с исп. М., Политиздат, 1986.

² Здесь и далее использованы архивные материалы ФБР, см.: <http://foia.fbi.gov/>

³ В данном случае агент Х. сообщил в ФБР неточную информацию. Возможно, причиной ошибки было невероятное сходство братьев Ареналь. Типографию для КПМ приобретал Леопольдо, а не Луис. "Порочащий слух" о растрате партийных средств распространялся им сознательно, как часть легенды, которая мотивировала "разрыв" с компартией и возможность последующего "перехода" в лагерь троцкистов.